

Степаненко, Яков Трофимович

Украина, Никополь

Январь 2005 г.

Война 1941-1945 гг., плен

Я, Степаненко Яков Трофимович, рождения 21 марта 1921 г., перед войной проживал в г. Никополь.

22 июня 1941 г. война меня застала, когда я сдавал экзамены в педагогическом училище. 4:00 утром Киев бомбили, нам объявили, что началась война. 13. августа 1941 г. я был мобилизован в действующую армию, которая отступала под натиском фашистских войск. Мы, новобранцы, без оружия в гражданской одежде вместе с солдатами отступали ночью аж до Ростова, примерно 400 км. В бой не вступали, наши колонны беспощадно бомбили всю дорогу.

В конце августа нас новобранцев погрузили на поезд и отправили на Кавказ, где мы были сформированы в 792 стрелковый полк. Здесь нас готовили для высадки морским десантом по освобождению Керчи и Керченского полуострова. В конце декабря наш полк прибыл в г. Тамань и, с третьей попытки, мы 2-3 января освободили Керчь ночью. Немецкие войска почти без боя оставили город на машинах мотоциклах и, пока мы их догнали, через 3 дня они хорошо укрепили оборону, а не только с винтовками. Начались кровопролитные бои с большими потерями наших солдат. Поступило подкрепление живой силой и техникой, но перевес был на стороне Манштейна. И так 4 месяца мы несли большие потери, а 12 мая 1942 года войска фон Манштейна полностью разгромили нас.

В плен было взято 172 тыс. наших солдат и офицеров. В этом числе и я попал в плен. В скором времени я попал в Житомирский Концлагерь, где уже было много тысяч пленных доходяг. Кормили раз в сутки баландой из травы свекольных листьев, очисток картофеля. Смертность была ужасно большая. Каждое утро улаживали на телеги десятки трупов и вывозили в лес, в траншеи. Когда траншея наполнялась трупами — засыпали землей. И так каждый день. Одна команда копала траншеи, другая улаживала трупы, привезенные на телегах, третья засыпала землей. В телеги впрягали, конечно, пленных. В лагере свирепствовала дубинка наших полицаяев. По поводу и без повода. Немецкие солдаты редко прикладывали руки на пленных. Чаще смеялись, фотографировали.

К счастью в конце мая 1941 г. я попал в толпу пленных, из которых отбирали тех, кто мог еще работать, новоприбывших. Меня тоже полицай записал. Нас человек 300 повели на вокзал, загнали в товарные вагоны с решеткой на окнах. В вагоне набито, можно только стоять. В середине вагона стояла параша деревянная. Нас везли три дня, мы не знали куда. Два раза кормили. Один раз в Холмы (Польша), другой — во дворе какой-то тюрьмы в Германии. Привезли в Дортмунд и с вокзала под конвоем привезли в спецлагерь рядом с шахтой Minister Stein. Лагерь возле шахты был пустой, еще новенький, прочно огражден в два ряда колючей проволокой, между рядами спираль с колючей проволокой, по углам — вышки для охраны. Нас покормили супом, даже хлеба дали и кусочек маргарину. Разместили по баракам,

назначили полицаев, переводчика. Выбегали те, кто немного мог sprechen deutsch. Я воздержался. Полицаев я ненавидел, а переводчиком — сомневался.

Несколько дней нас «откармливали», мы отощали, были неспособны работать в шахте. Одели, обули, разрисовали нашу одежду желтой краской «SU» с полосами. В конце июня — начале июля 1942 г. построили нас и проволочным коридором повели на шахту. Я попал в 6. ревер, толщина угольного пласта где-то 1 м на глубине 1400 метров (так говорили). Нас возле клетки разбирали по одному к себе в подручные немецкие шахтеры. Меня взяли в помощники два шахтера - Rigat und Kall. Хорошие люди, не подгоняли меня, узнали, что я учитель и немного владею немецким языком, часто беседовали со мной, расспрашивали обо всем. Они работали отбойными молотками, а я лопатой бросал уголь на металлические решетки, по которым уголь двигался на транспортер. Тяжело было, уставал до придела. Большинство шахтеров лояльно относились к пленным, но боялись вступать в контакт, их строго наказывали. Шахтер боялся подкармливать пленного. Он бросал кусочек бутерброда в газете, и бывало целый бутерброд, как будто он сыт уже. Наша братва ловила эти «изличики» шахтерского питания. Помню, мне один раз незнакомый шахтер бросил на руки целый кулек вареной в мундирах картошки.

Иногда было кто-нибудь подбросит завернутую в газетку сигаретку. Но в руки давать боялись, особенно, когда появлялся в ревере Steiger (штейгер) со своим прожектором на груди. Лучи прожектора пугали шахтеров, они дружно включали отбойные молотки.

Через несколько месяцев меня многие хорошо знали, что я учитель, владею, пусть плохо, немецким языком, хорошо ориентируюсь в шахтерских делах. По разрешению Steigera слесарь ревера Франц взял меня в помощники, а затем доверил самостоятельно переносить в ночной смене трубы высокого давления воздуха для отбойных молотков. Теперь я днем убирал свой барак и получал за это от полицаа дополнительно порцию супа. Кроме этого я научился изготавливать из соломы красивые шкатулки. Приносил в шахту Францу, а он где-то за шкатулку выменивал 2 фунта хлеба. Я просил, чтобы хлеб резал на 5 частей и каждый раз приносил мне одну часть. Франц ко мне очень хорошо относился, говорил и в шутку вконец, что после войны я отдам за тебя свою дочь, показывал ее фото, ей было 17 лет. Большое спасибо ему, 60 лет прошло, наверное, земля ему пухом. Я за две недели изготавливал шкатулку. Другие пленные тоже что-то мастерили в свободное время. А многие выходили от тяжелой работы, плохого питания со строя. Их отправляли в какой-то Шталаг N. 326 (не точно). Обрато они не возвращались. Присылали новое пополнение, как на фронте. Шахту, город и лагерь часто бомбила американская авиация. Участились бомбежки в 1944 году. Но шахта работала — разрушенное, сгоревшее быстро восстанавливали. Но в начале апреля 1945 г. шахту сильно разбомбили, досталось и лагерю, сгорел мой барак. 5. апреля 1945 г. нас под конвоем вывели в лес, нас человек 60-70 + полицаи, водили в лесу несколько дней голодных. Один раз нам разрешили набрать брюквы с кагата какого-то хозяина. На рассвете 9. апреля солдаты конвоя показали дорогу куда бежать, дали полицаю белую простынь. Скоро мы увидели линию немецкой обороны — окопы, траншеи, в которых стояли автоматчики, пулеметчики. Полицай окутался белой простыней, наша толпа перебежала линию обороны. По нас не открывали огонь, спасибо солдатам.

Примерно через 1 км показался пылающий город, особенно ярко горела церковь. На улице рвались мины, снаряды. Несколько человек погибло, 7 человек было ранено, в том числе и я, в обе ноги, но кость не задело. Американские танкисты-негры раненых перебинтовали, указали дорогу. Это был г. Векит. Мы разбрелись кто-куда искать пищу. На второй день нас собрали и на машинах отвезли и расквартировали по частным домам в г. Липштадт. Организовали медпункт, столовую. Залечили раны. А вскоре прибывший советский офицер с помощью американцев переправил нас через реку в советский фильтрационный лагерь. Здесь нас проверяли, допрашивали когда, где попал в плен, чем занимался в плену. Делали очную ставку, искали полицаяв и тех, кто по желанию сдался в плен. Я прошел «Фильтр» и в конце апреля меня взяли в авиатехническую часть на аэродром под Штраусбергом (близ Берлина). Там я служил солдатом, а когда офицеры (по окончанию войны) привезли свои семьи и организовали школы, мне предложили работать учителем. Это было уже в Тюрингии, ГДР, в городах Альтенбург, Веймар, Витенберг, Фалькенберг, куда перемещалась моя часть. В 1949 г. в отпуске женился и в марте 1950 возвращался, демобилизовался.

На фронте был контужен и ранен в ногу, при бегстве с плена вторично ранен, являюсь инвалидом войны II группы. Мирную жизнь описал на первом листе.

Мне было очень приятно писать, я как будто видел Вас и разговаривал с Вами. За 60 послевоенных лет я только 4 раза встречал немцев, разговаривал с ними. Это в Ленинграде (Питер), Ялте, Кисловодске, 1 раз в Николаеве.

Meine liebe Freunde Deutschland, Herzliche danke was Sie nicht vergessen uns, russische Gefangene. Я восхищаюсь Вашим благородным милосердием к нам, «Победителям» с торбой. Стыдно, имея такие богатство на Украине, больше половины народа живет в нищете.

Всех обнимаю Вас, Яков Степаненко

Простите, что я так много написал. В советское время нельзя было поехать в Германию, а сейчас можно, но возраст...

Примечание сайта: В ноябре 2007 г. Яков Степаненко гостил в Берлине. Информацию можно прочитать [здесь](#).



◆ —